

А.И. Попов

ПРЕДЪЮБИЛЕЙНЫЙ РЕЦИДИВ ДИЛЕТАНТИЗМА

Неуклонно приближается священное для каждого россиянина событие - 200-летие Отечественной войны 1812 года. Но у ученых, занимающихся исследованием этой темы, уже давно зародились опасения, что к юбилею могут «примазаться» недобросовестные сочинители, готовые любыми способами эксплуатировать актуальную тему. К сожалению, так оно и случилось...

Недавно высветилась одна довольно неожиданная проблема. Оказалось, что отсутствие в некоторых издательствах научного редактирования публикуемых книг приводит к «головокружению от успехов» у некоторых авторов. Так, в издательстве «Яуза; Эксмо» вышла прекрасно иллюстрированная книга И.Э. Ульянова о русской пехоте¹. К полиграфическому качеству издания претензий нет. Но буквально всех знатоков эпохи 1812 года неприятно поразила аннотация, сопровождающая эту книгу. Ее анонимный автор самоуверенно, если не сказать нагло, заявил, что «эта книга станет безусловной классикой. На это исследование будут ссылаться и через 100, и через 200 лет - как сейчас цитируют основополагающие труды Михайловского-Данилевского, Богдановича, Тарле. Именно о работах такого уровня говорят, что они "закрывают тему"»!

Спору нет, Ульянов проделал большую работу, докопался до мельчайших деталей организации, комплектования, обучения и боевого применения русской пехоты. Но ни один трезвомыслящий исследователь не позволил бы петь себе столь неумеренные дифирамбы. Во-первых, каждый любитель той эпохи знаком со справочниками Г.С. Габаева и А.А. Подмазо, на основе которых и составлены «Приложения» в новой книге. Во-вторых, глава «Пехота в боях» является не исследованием, а простой компиляцией трудов нескольких отечественных историков.

В-третьих, и это главное, автор льстивого дифирамба даже не осознает, что капитальные исследования Данилевского и Богдановича, с одной стороны, и книга Ульянова - с другой, относятся к абсолютно разным, несоизмеримым

«весовым категориям». Последняя не может идти ни в какое сравнение с первыми ни по объему, ни по широте охвата материала, ни по проблематике. Советуем апологету посчитать, сколько тысяч источников и десятков исследований, в том числе на иностранных языках, использовали они при создании своих трудов. Да и самим издателям следует быть более объективными при составлении аннотаций к публикуемым ими книгам, дабы не попасть впросак.

Едва успели мы написать эти строки, как в том же издательстве вышла книга некого Б. Юлина с не менее интригующей аннотацией, в которой лихо заявлено, будто сей сочинитель дал «неожиданные ответы» на вопросы: Каково было подлинное соотношение сил при Бородине? Какие потери понесли противники в ходе битвы? Кто же все-таки одержал победу? Объявляется, что «его книга - свежий, во многом сенсационный взгляд на историю Бородинского сражения»². Подобные обещания могут поразить воображение разве что малосведующего читателя, не знакомого с серьезными исследованиями по теме. А у подкованного читателя сразу зарождается сомнение, каким это образом никому не известный сочинитель смог одним махом ответить на вопросы, над решением которых серьезная наука бьется уже целых два столетия?

Подозрения эти начинают подтверждаться буквально с первых страниц книги. Во Вступлении автор признает, что «ход Бородинского сражения расписан практически по минутам», а потому его задачей «не является создание очередного описания битвы». Его «книга не является строгим научным исследованием. Скорее, это попытка понять суть произошедшего на Бородинском поле», «то есть попробовать не найти неизвестные ранее факты, а по-новому взглянуть на имеющиеся» и «отследить основные закономерности Бородинской битвы». Получается, что строго научными методами понять смысл сражения невозможно, нужно лишь как-то по-новому на него взглянуть.

Авторский текст занимает 115 страниц, из которых почти половина не имеет отношения к сражению, а описывает «организацию и вооружение сторон» и их командный состав. Эту жалкую компиляцию нет смысла анализировать. Отметим лишь некоторые вопиющие несуразицы. Автор заявляет, будто бы генерал Д.П. Неверовский со своей «молодой и необстрелянной дивизией» «по сути спас русскую армию от разгрома, сумев под Красным, отступая, остановить» наполеоновскую армию. Он не знает, что на самом деле под командой генерала была не 27-я дивизия, а

«обсервационный корпус», половина которого состояла из обстрелянных полков, что 2 (14) августа Неверовский отступил более чем на 50 км, ну а как можно было при этом «отступая, остановить» противника, никто, кроме самого сочинителя, объяснить не сможет.

Юлин пишет, будто в русской кампании «Жюно сумел отличиться быстрым захватом переправ в Орше», чем обеспечил переправу войск Наполеона через Днепр, но «в ходе Смоленского сражения Жюно впервые проявил нерешительность, остановив свой корпус перед болотом». Ему неизвестно, что Жюно прибыл в Оршу, когда она уже была занята французскими войсками, что нерешительность он проявил не в Смоленском сражении, в котором вообще не участвовал, а у Валутиной Горы. Не соответствует истине и его заявление, будто Э. Нансути сначала командовал «тяжелой кавалерийской дивизией», а потом 1-м кавалерийским корпусом. Кстати, дивизии не могут быть тяжелыми или легкими, таковой являлась лишь составлявшая их кавалерия. Нелепо звучат и его выражения, что «25-я дивизия была Вюртембергской и состояла в основном из немцев», что в 8-м корпусе «обе дивизии были Вестфальские и состояли в основном из немцев», так как Вюртемберг и Вестфалия были немецкими государствами. А как вам выражение, что 7-я кавалерийская дивизия была «немецко-польской с преобладанием вестфальцев и саксонцев»?

Теперь о главном - как автор решил ключевые проблемы Бородинского сражения. Первой «странностью» он объявил выбор русским командованием позиции и размещение на ней войск, поскольку половина армии и самые прочные укрепления оказались в том месте, куда противник даже не подошел. Юлин титится доказать, что никакой ошибки здесь нет, так как «Масловские *флеш* с тяжелой артиллерией» были «своеобразной страховкой» от возможного обхода противником русского правого фланга по «Гжатскому торговому тракту», который и должна была обстреливать «батарея на Масловских *флешах*». Издатели уверяют нас, что автор использовал «подлинные карты местности», но сможет ли он хотя бы на одной из них отыскать этот мифический тракт, если его нет даже на его собственной карте? Во-вторых, автор не знает, что Масловские укрепления были вовсе не флешами, а состояли из *пятиугольного редута и двух люнетов, соединенных ретраншементами*. Предполагать же возможность обхода противником этого фланга на столь большом удалении от главной дороги могут лишь лица с гипертрофированным воображением.

Столь же фантастическим способом Юлин решил проблему с Шевардинским редутом, заявив, что «размещение у Шевардино тяжелой батареи должно было заставить Наполеона действовать в соответствии с русским планом, то есть развертывать силы. на поле севернее *деревни Бородино*», чтобы вывести войска из зоны обстрела с редута. Автор знает, что основным возражением против данной версии является то, что с редута невозможно вести эффективный огонь по Новой Смоленской дороге из-за слишком большого расстояния. Но он легко устранил это возражение - оказывается, «*исследователи и историки* путают эффективный огонь по конкретным единичным целям. и эффективную стрельбу по площадным целям». Так что никаких ошибок в размещении войск М.И. Кутузов (на самом деле К.Ф. Толь) не сделал, а наоборот, «он образцово выбрал позицию», и это было «весьма разумное и продуманное расположение русской армии в соответствии с требованиями военной науки того времени». Правда, сам автор вряд ли знаком с требованиями этой самой науки, как и с реальными возможностями артиллерии той эпохи. Он явно не знает реальных размеров Шевардинского редута и не понимает, что стрельбой из пяти пушек на предельную дистанцию невозможно остановить развертывание целой армии. Но он уже изобрел в своей голове «способ решения всех проблем», и поэтому все, что противоречит его *idee fixe*, просто объявляется неправильным.

Другим «открытием» Юлина является выдуманная им «Гранд-батарея», куда он безо всяких на то оснований и доказательств, но лишь силой своего богатого воображения, включил батареи Сорбье, Фуше и Пернети, заявив при этом, что «Наполеон осмелится разместить орудия на расстоянии 700-1000 *саженей* от Семеновских флешей и 1200-1300 - от Курганной батареи». Так и хочется спросить автора, с чего бы это французы начали измерять расстояния *саженями*, откуда взялись эти расстояния, и знает ли он, где на самом деле находились упомянутые батареи? Ответа читатель наверняка не получит, так как автор не знает о существовании французской карты, снятой через несколько дней после сражения. На этой карте видны два укрепления, обозначенные литерами «В», которые историки и назвали батареями Сорбье и Фуше. Беда только в том, что они не удосужились прочитать легенду к карте, где написано, что этими буквами обозначены «укрепления *для пехоты*», причем сооружены они, похоже, еще русскими войсками. Так что, вопреки расхожему представлению, мы не знаем точно, где располагались эти батареи.

По заявлению автора, именно эта придуманная им «Град-батарея» была «одним из основных инструментов достижения победы», и на всем протяжении книги пытается убедить читателя, что именно она в течение всего дня «работала с дальних дистанций по площадям», нанося самые страшные потери русским войскам. Эти рассуждения лишний раз выдают в авторе кабинетного схоласта, который не знает иностранных источников, а потому не ведает, в какой момент времени, где и какие французские батареи находились. «Абстракционисту» этого и не требуется, так его фантастическая батарея «на протяжении целого дня сражения» исправно бьет по русским войскам, причем через головы своих же войск - выдумать такое не под силу никакому реальному историку.

Описание же самого сражения не представляет абсолютно никакого интереса, так как Юлин просто переписал большие куски из сочинения Михайловского-Данилевского, в том же году переизданного *в том же самом издательстве!* Автор не понимает, что любое, даже самое совершенное исследование через 150 лет неизбежно устареет, и без тени сомнения повторяет ошибки Данилевского, именуя, например, генералов Дессэ - Дезе, Ватье - Вотье, Компана - Кампаном, Дюма - Дюмасом, интенданта Пюибуоска - Тюибуоси. У Данилевского он списал, будто генерал Монбрен был убит «при атаке редутов нашего левого фланга», хотя тот не успел поучаствовать в атаках. Автор повторил выдумку Толя о том, будто бы около 9 часов вечера неприятель овладел было Семеновской, но был вытеснен оттуда лейб-гвардии Финляндским полком. Он смело бросает в атаку на батарею Раевского 2-й баденский полк, который в сражении не участвовал! Рассуждения Юлина о потерях обеих сторон не стоят и ломаного гроша, так как источников он не знает, а просто переписал цифры у других авторов. Повторение им избитого штампа о том, что Бородино было моральной победой русской армии, свидетельствует лишь о том, что он не имеет ни малейшего представления о морально-психологическом состоянии русской армии в период ее отступления от Бородино до Москвы и после сдачи «первопрестольной».

Автору неизвестны новейшие отечественные исследования о Бородинском сражении и потому все его сочинение выглядит каким-то заплесневелым анахронизмом, сдобренным буйной фантазией. Поэтому как-то глупо спорить с малообразованным сочинителем и перечислять далее целую уйму его ошибок, нелепостей и передержек. И как можно было ожидать от подобного верхогляда, прочитавшего лишь книжку 150-летней давности,

серьезных ответов на те кардинальные вопросы, которые были вынесены на обложку книги?

В том же году вышла книга В.М. Хлесткина³. В аннотации сказано, что «автор с удивительной деликатностью изложил значение и роль князя М.И. Кутузова в победе над армией Наполеона». В самом же тексте мы встречаем слова Кутузова о выбранной им при Бородино позиции, и тут же следует комментарий автора: «Здесь все ложь -и позиция была неважная, и намерение Кутузова было иное, да и о победе он не помышлял... Александр, должно быть, морщился, читая эти строки: "*Что он несет, этот хвастливый старик!* О какой победе он там говорит! Армию бы сохранил!"». Вот уж, действительно, «удивительная деликатность».

Хлесткин пишет, будто Шевардинский редут позволил Кутузову «привлечь атаку неприятеля на этот участок позиции», но вряд ли он сможет объяснить, зачем нужно было русскому полководцу привлечь неприятеля к самому слабому месту своей позиции? Автор совершенно не различает понятий «источники» и «историография», постоянно «сваливая их в одну кучу». Не разумеет он и такого основополагающего понятия, как «критика источника», что говорит об *отсутствии у него даже элементарного исторического образования*. Он упоминает генерала А.Ф. Вельварта, которого не то что при Бородине, но и в России не было. Он именует Ф. Сегюра «ординарцем Наполеона», т. е. «опускает» генерала до звания капитана.

Хлесткин заявил, что историки совсем не заметили одно укрепление - «Бородинский редут», возведенный впереди Бородина и предназначенный для «превентивного сдерживания атаки неприятеля на наиболее угрожаемом направлении». Он умудрился разглядеть «пятиугольный редут на 4 орудия, прикрытый с севера ложементом для пехоты» и заявил, будто «это укрепление отечественная историография упорно отказывается идентифицировать как русское и настойчиво приписывает его французам». А вот французы, оказывается, называли этот редут «главным». Во-первых, это укрепление предназначалось для поддержки отступавшего русского арьергарда. Во-вторых, хотелось бы узнать, кто из историков приписывал его французам, так как на французской карте четко указано направление огня в сторону наступающей армии. Что же касается заявления о том, будто этот «редут» французы называли «главным», то оно явно пахнет клинкой.

Лейтмотивом данного опуса является утверждение автора о том, будто «историография сражения в буквальном смысле слова *соткана из домыслов*», будто «в историографии Бородинского сражения *царит произвол домыслов*». И чем же, спрашивается, занимались историки 200 лет? «Порой складывается впечатление, - замечает Хлесткин, - что *мы пишем не свою, а французскую историографию* Бородинского сражения - до такой степени отечественная историография находится под влиянием французской». Он считает, что у каждой нации должна быть своя историография, безоглядно прославляющая свою страну и попирающая все прочие. Ему неведомо, что идеалом историописания является объективность, основанная на учете сведений с той и с другой стороны.

Автор гневно возмущается «той легкостью, с которой историки, *даже благонамеренные, допускают возможность поражения русских войск...* Эта готовность к поражению, демонстрируемая историками, находится в кричащем противоречии с духом и настроением русской армии накануне битвы». Смысл возмущения таков: поскольку русские участники сражения не считали его потерянным, то проиграли его не они, а историки. «Добавим к этому, - пишет он, - что подобное *пораженчество* всегда есть свидетельство зависимости данного историка от точки зрения французской историографии». Вот так, русский историк не может даже помыслить о поражении русской армии! А как же быть с Аустерлицем или Фридландом?

Хлесткин возмущается тем, что «отечественная историография увлеклась цитированием сочинений французских авторов, только закрепляя их ошибки. И это тем более удивительно, что действия французских войск при Бородине в гораздо меньшей степени *поддаются верификации со стороны источников*, нежели действия русских войск. Такая ситуация объясняется прежде всего слабостью источниковой базы французской историографии. *среди которой мы находим главным образом сочинения мемуарного характера... Документов практически нет*». Подчеркнем, что мемуары никоим образом не относятся к историографии и что «документов нет» только для самого сочинителя, который не заметил, что В.Н. Земцов процитировал несколько французских рапортов. Ему неведомо, что сохранились также рапорты Мюра, Нея, Боарнэ, Жерара, Понятовского и Шелера. Впрочем, даже если бы он знал об этом, это не изменило бы сути дела, ибо он заранее убежден, что все французские источники непременно лгут.

Хлесткин надменно напомнил историкам, что «еще Манфред в начале 70-х гг. выяснил, что *архива наполеоновской армии, вторгшейся в Россию, не существует*». Поясним невеже, что А.З. Манфред написал достойную монографию о Наполеоне, но знатоком войны 1812 года он не был, а просто переписал марксистские стереотипы у Бескровного и Жилина. Что же касается «архива Великой армии в России», то еще в начале

XX в. один только Ж. Фабри опубликовал восемь томов *документов* и еще несколько меньших по размеру сборников опубликовал А. Шюке.

Задумывая свой опус, Хлесткин уже имел в своей голове заранее приготовленную априорную концепцию, а поэтому все, что ей противоречит, он объявил ложью. И потому виноватыми у него оказываются не только иностранцы, но также М.Б. Барклай де Толли, А.П. Ермолов и даже Кутузов.

Автор заявил, будто «русские войска, защищавшие Шевардинский редут, отступили от него (мы подчеркиваем - отступили, а *не были выбиты*)... Когда же усилившийся неприятель *выбил наши войска изредута*, то они дважды, но безуспешно, пытаются взять редут обратно». Чуть ниже он написал, что «*к концу дня русские возвратили себе редут и отстояли свои позиции*. После этого никаких внятных свидетельств сражения мы не наблюдаем». Достигается такой вывод просто -за счет полного игнорирования иностранных источников, поскольку, по убеждению автора, все они лгут.

Автор привел известную фразу Кутузова о том, что Наполеон «нельзя как осторожен, теперь закапывается по уши», и при этом заявил, будто «*никто* из лиц, пишущих о Бородинском сражении, *обыкновенно не обращает внимание на это письмо Кутузова, привычно игнорируя гений русского полководца*». Это не что иное, как ложь, ибо отечественные авторы редко упускали случай, чтобы с помощью этой фразы не ущемить лишней раз Бонапарта. Но не это главное. Опираясь на эту фразу, Хлесткин выдумал целых две несуразицы.

1. Известно, что для прикрытия своего левого фланга французы возвели несколько укреплений напротив Бородина. Автор заявил, что они имели не только оборонительное, но и *демонстрационное* назначение. На справедливо возникающий вопрос, для чего нужно было привлекать сюда внимание русских, у него уже готов ответ: «Для того *чтобы ввести неприятеля в заблуждение относительно истинных намерений Наполеона*». Ответ более чем странный, поскольку еще Ермолов, наблюдавший за возведением этих

укреплений, сразу сделал однозначный вывод - французы здесь наступать не собираются, и главный удар будут наносить южнее Колочи!

2. По мнению автора, на карте Пресса, Шеврие и Реньо «картина французских укреплений не вполне согласуется со свидетельствами других источников, как русских, так и французских». По его заверению, и Ж. Пеле также «умалчивает о других укреплениях, возводимых французами 25-го числа... (всюду мы наталкиваемся на это лукавое умолчание французских свидетельств) - они сооружались против центра и левого фланга русской позиции, и о них мы узнаем уже из русских источников». При этом Хлесткин сослался на Глинку, который с высоты колокольни в Бородино видел огромные батареи. Вопреки очевидному факту, что речь идет об «укреплениях Боарнэ», фантазер заявил, будто «они располагались западнее и севернее д. Шевардино», и сослался на карту, сочиненную в 1902 г.! На этой карте он разглядел и «другие два французских укрепления - редуты, устроенные на Шевардинском и Доронинском курганах. Все вместе эти укрепления, построенные по фронту французской армии, действительно представляли собой *мощную фортификационную систему*». Все эти выдуманные фантазером батареи были якобы построены из-за опасения русской атаки и поэтому «французы предпочли умолчать об этом, словно стыдясь обнаружить свое опасение противника». Одно можно сказать - *больная фантазия пределов не знает*. Ни в одном источнике мы, естественно, не найдем никаких сведений об этих мифических укреплениях.

Из-за дремучего невежества Хлесткин не боится выступать сокрушителем давно установленных истин. Французы писали, что батареи Сорбье и Фуше были поставлены слишком далеко от русских позиций, так что их пришлось затем передвигать вперед. Но наш сочинитель лихо заявил, что все историки заблуждались, и на самом деле эти батареи находились не там, где они изображены на *французской карте*.

На самом деле на этой карте цифрой 2 обозначен русский «ретраншемент для пехоты»; он же, вместе с другим ретраншементом, обозначен латинскими буквами «В», которые расшифровываются, как «укрепления *для пехоты*»! Так что, вопреки заявлению Хлесткина, на французской карте батареи Фуше и Сорбье вообще не обозначены! Мы же, по утвердившейся традиции, именуем эти укрепления «батареями Сорбье и Фуше», что неверно. К тому же на Доронинском кургане никакого укрепления нет. Но это все наши наблюдения, а теперь вернемся к мифотворцу.

Он заявил, что батарея Сорбье «выполняла защитительные функции», даже не замечая, что это прямо противоречит приказу императора, где сказано, что Сорбье должен был «направиться к одному или другому редуту», т. е. наступать. С неприкрытым хамством автор обрушился на мемуары генерала Ж. Пернети, которые, по его словам, «являются самой настоящей мистификацией, которую следовало бы вернуть по принадлежности в ту самую "машинописную мастерскую в Лионе", откуда они и происходят». Подобным же образом он разделяется со всеми источниками, которые прямо противоречат его неумной фантазии.

Хлесткин заявил, что «в отечественной литературе сложилось ошибочное мнение, будто "Официальные известия из армии от 27 августа" исходят из штаб-квартиры Кутузова. В действительности данный документ был создан в Петербурге» и является репликой на 18-й бюллетень Великой армии. Цель подобного заявления ясна - отвести от Кутузова обвинение в публикации откровенной лжи о том, будто на следующий день генерал М.И. Платов был послан для преследования противника и нагнал его арьергард в 11 верстах от Бородино. Никаких доказательств своего утверждения автор не привел, и вряд ли сможет объяснить, каким образом листовка, выпущенная 8 сентября, могла быть ответом на бюллетень, опубликованный лишь 12 сентября?

Автор пытался преподнести себя как первооткрывателя. Так, он заявил, что нашел документ, «который удивительным образом ускользает от внимания отечественной историографии», а именно рапорт И.Д. Панчулидзева, каковой он отнес к Шевардинскому бою. Между тем в самом рапорте нет никаких дат, а оброненная генералом фраза о том, что Черниговский полк «*через весь день* подвержен был» артиллерийскому и ружейному огню, свидетельствует о том, что речь идет не о 24, а о 26 августа! В 2002 г. в журнале «Родина» был опубликован другой рапорт Панчулидзева «за 26-е прошедшего месяца, которого числа... Черниговский драгунский полк *через весь день* находился под жестоким неприятельским огнем». Заметить такие нюансы дилетант просто не способен.

Хлесткин бесцеремонно проигнорировал исследование Земцова о рекогносцировках Наполеона 6 сентября и статьи А.А. Смирнова о Шевардинском редуте. Он также «не заметил» и нашу статью о «засадном корпусе Тучкова», и ясно почему - чтобы выдумать очередную абракадабру. Он заявил, «что 3-й пехотный корпус был поставлен вечером 24 августа не на Старой Смоленской дороге, а всего лишь "в версте позади д.

Семеновской", в резерве 2-й армии», и сослался при этом на статью В. Афанасьева. Тем самым он вновь продемонстрировал, что не понимает разницы между источниками и историографией. Он сослался на *«рапорт Беннигсена»* (на самом деле *мемуары*), чтобы заявить, будто бы тот разместил 3-й корпус и Московское ополчение *открыто*, дабы привлечь внимание неприятеля, запугать его и ослабить удар по армии Багратиона. При этом фантазер не утруждает себя объяснением, каким это образом Наполеон мог увидеть эти войска через Утицкий лес.

Хлесткин возмущен тем, что «французская историография старается не замечать появления русских войск на Старой Смоленской дороге. Это - еще одна уловка, к которой прибегает французская историография, искажая правду о Бородинском сражении». Поясним невеже, что никакая историография не заметит того, чего нет в источниках. При этом он заявил: «Поразительно, но никому так и не пришло в голову подвергнуть сомнению свидетельство "свитского прапорщика"» А. Щербинина. Напомним автору, что мы подробно осветили данный сюжет еще в 1998 г.

Стремясь изобразить широкую осведомленность, Хлесткин цитирует иностранные источники, но при этом совершенно не понимает, что используемые им древние переводы устарели. Он процитировал примитивный перевод Фоссена, что его полк потерял «храброго адъютанта-майора Ристона» с «его адъютантом, майором и 12 субалтерн-офицеров». По невежеству своему он не знает, что в данном случае речь идет о звании «старший аджудан», тогда как слово адъютант во французском языке пишется иначе: *aide de camp*. А кто из читателей сможет ныне понять устаревшее слово «субал-терн»? В другом переводе поляк Мацей Рыбиньский назван *Матвеем*. А вот отрывок из мемуаров капитана А.О. Пьон де Лоша: «Генерал Нури приказал мне именем *фельдмаршала* поставить мою батарею на передовую линию». Сможет ли автор назвать хоть одного фельдмаршала в Великой армии? Конечно, нет, потому что он даже не заметил этой несуразицы.

Хлесткин рискнул привести приказы Наполеона перед сражением, так как после 1912 г. «эти документы в отечественной литературе в полном виде не появлялись». В литературе, может быть, и не появлялись, но историки весьма внимательно их изучали. К тому же автор не понимает, что допотопный перевод безбожно устарел. В приказе Наполеона не могло быть написано «не доходя 8 верст до Можайска» - там указано «в двух лье». Нелепо переведена подпись под приказами: «Князь Невшательский, *Общий*

майор, Александр». На самом деле подпись поставил *начальник Главного штаба* армии маршал Александр Бертье, князь Невштальский.

Хлесткин заявил Земцову, что «знакомство с источниками не является его привилегией. Во всяком случае, в настоящей работе мы стремились познакомить читателя со всей источниковой базой Бородинского сражения, чтобы он мог по собственным впечатлениям, а не со слов *тенденциозных интерпретаторов* судить о Бородинском сражении». Конечно, читать источники может каждый, но чтобы писать научные книги, нужно уметь их анализировать. Хлесткин же способен лишь выдвигать априорные идеи и «притягивать за уши» надерганные из источников цитаты для их оправдания.

Оба проанализированных выше опуса до неприличия похожи друг на друга и подозрительно напоминают измышления дилетанта П.Н. Грюнберга, на развенчание которых нам пришлось потратить немало времени⁴. Все эти «клоны» имеют одинаковые черты:

- в основе лежит априорная, схоластическая «концепция», рожденная большим воображением сочинителя; полнейшее незнание основ исторического ремесла;

- очень плохое знание источников, особенно иностранных;

- «притягивание за уши» некоторых показаний источников для оправдания высосанной из пальца «концепции»;

- демонстративное игнорирование научных исследований последних 20 лет, поскольку они «уничтожают на корню» бредовые выдумки дилетантов.

Страшно подумать, какое извращенное представление о великой баталии сложится у неподготовленного читателя после знакомства с таким паноптикумом устаревших догм, бредовых фантазий и беззастенчивых фальсификаций. Но главная проблема заключается даже не в доморощенных дилетантах типа Грюнберга, Хлесткина и Юлина, о которых почтенная публика никогда бы и не узнала, а в том, что находятся публикующие их бредни недобросовестные и столь же малообразованные издатели, которые пытаются эксплуатировать актуальную проблематику в расчете получить дешевую популярность и быструю прибыль. Государство не может запретить бредить конкретным индивидам, но вот поставить преграду публикации их бреда оно просто обязано.

P.S. Недавно мы зашли в «церковную лавку», расположенную в Спасо-Бородинском монастыре посреди Бородинского поля и обнаружили там

брошюру под названием «Наполеон, как предтеча Антихриста». Невольно возникает вопрос: господа, *в каком веке мы живем?!*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ульянов И.Э. 1812: Русская пехота в бою. М.: Яуза; Эксмо, 2008.

² Юлин Б.В. Бородинская битва. М.: Яуза; Эксмо, 2008.

³ Хлесткин В.М. Канун Бородина: Воен.-ист. очерк с картами того времени / Союз писателей России, продюсерская компания «Ихтиос», Национальная безопасность: Прил. к журн. «Новая книга России». М., 2008. Абракадабра невообразимая! И подо всем этим стоят подписи *трех полковников и трех священнослужителей: священника, игумена и иеромонаха!* Как тут не вспомнить слова достопочтенного И.А. Крылова о том, что «сапоги должен тачать сапожник, а пироги печи пирожник!»

⁴ Современное мифотворчество... // Отечественная война 1812 года и российская провинция... Малоярославец, 2003. С. 19-31; Что нам стоит бой «построить»? // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2007. Т. 9, № 2. С. 307-314; «Бедный, бедный Павел...», или неистребимый «зуд изобретательства» // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. М., 2009. С. 20-40.

